

РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

А.В. БОЛОНСКИЙ

Политический цинизм: концепт, практика, альтернатива

Тема статьи, к сожалению, более злободневна, чем хотелось бы. Проанализировано понятие политического цинизма в его эволюции от древнекитайского легизма через маккиавеллизм к современности. Рассмотрены компоненты посттоталитарного синдрома сознания, которыми поражено современное российское общество: легитимация аморализма, ценностная аномия, активистский конформизм, синдромы “маленького” и одинокого человека. В качестве позитивной альтернативы цинизму и “банальности зла” рассматриваются политический романтизм и реализм, а также “банальность героизма”.

Ключевые слова: политический цинизм, мораль, аморализм, посттоталитарный синдром, конформизм, солидарность, ценностная деформация, романтизм, политический реализм, адаптация, банальность зла.

Эта тема не просто актуальна, а угрожающе актуальна, ибо политический цинизм в сегодняшнем его изводе представляет реальную угрозу самому существованию нашего общества как современного и цивилизованного. Я бы предпочел, чтобы она была не столь актуальна. Ведь не на пустом месте возникла почти апокалиптическая точка зрения, что Россия за последние годы “выпала из цивилизации”. Будучи относительно оптимистом, я не вполне с ней согласен как с констатацией (равно как и с утверждением о постигшей Россию “антропологической катастрофе”). В частности, мне кажется, оценка Л. Гудкова, согласно которой сегодня в российской публичной жизни морали просто нет, что она “ушла из сознания” [Гудков 2013, с. 125], при всей резонности его доводов все же несколько избыточно трагедийна. В разных сферах публичной жизни, начиная от благотворительности и кончая журналистикой, действует немало порядочных, порой до самоотверженности людей. Однако подобная угроза, несомненно, существует, и даже она вполне реальна. Ведь политический цинизм из сферы рассуждений теоретиков переместился в область кровавой античеловечной практики. Но, как и полагается в академических текстах и штудиях, сначала немного об истории и понятиях.

Происхождение слова и понятие

Цинизм, как и многое в жизни человечества, родился из парадоксов. И первый из таких парадоксов – этимология слова. Как известно, оно произошло от самоназвания древнегреческих киников, людей, для которых главным было не философствование,

Оболонский Александр Валентинович – доктор юридических наук, профессор Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. Адрес: Мясницкая ул., д. 20, Москва, 101000. E-mail: aobolonsky@hse.ru.

не игра с понятиями, а “кинический” образ жизни. С веками кинический взгляд на “правила жизни” тем или иным образом вошел в целый ряд очень разных по иным параметрам философских течений и типов поведения – от римской стои и христианского аскетизма до экзистенциализма, хиппстерства и других демонстративных форм контркультуры XX–XXI вв. (Ведь “классические” хиппи по типу поведения и идеологии тоже были близки к киникам, даже по стилю жизни походя на Диогена. Да и на современный акционизм тоже можно посмотреть в киническом контексте, хотя его порой открыто провокативный, вплоть до демонстративного отвержения принятых норм социальной морали, характер приближает его к цинизму в негативной коннотации слова). Но в основном киницизм к собственно цинизму в сложившемся понимании слова имеет скорее вербальное, чем смысловое отношение. И затронул я данный вопрос лишь для того, чтобы избежать смешения понятий. А теперь перейдем к цинизму в подлинном смысле.

Из многочисленных его определений достаточно четкими и научными, как ни странно, оказались два из изданий глубоко советских времен. От них и будем отталкиваться. Лишь в немного сокращенном варианте.

Итак, третье издание “Большой Советской энциклопедии” определяет цинизм как «нигилистическое отношение к достоянию общечеловеческой культуры, особенно к морали, идее достоинства человека, иногда – к официальным формам господствующей идеологии, выраженное в форме издевательского глумления. Цинизм в поведении и убеждениях характерен для людей, стремящихся достигнуть своих эгоистических целей любыми средствами. В социальном плане явления цинизма имеют двойкий источник. Во-первых, это “циннизм силы”, характерный для практики господствующих... групп, осуществляющих свою власть и своекорыстные цели откровенно аморальными методами... Во-вторых, это бунтарские настроения и действия (напр., вандализм) социальных слоев, групп и индивидов, испытывающих гнет несправедливости и бесправия, идеологическое и моральное лицемерие эксплуататорского класса, но не видящих выхода... и повергнутых в состояние духовной опустошенности» (т. 28, с. 570). Этот том вышел в 1978 г., а в “Словаре по этике” под редакцией И. Кона 1975 г. читаем: «Цинизм – моральное качество, характеризующее презрительное отношение к культуре общества, к его духовным, и в особенности нравственным ценностям... первоначально это – возврат к “естественному состоянию”. Впоследствии цинизмом стали называть слова и деяния, в которых совершается надругательство над тем, что составляет исторические достижения культуры человечества, глумление над нравственными принципами, осмеяние идеалов, попрание человеческого достоинства. Цинизм в поведении и убеждениях характерен для людей, преследующих свои эгоистические интересы всеми возможными средствами, включая и аморальные» (с. 342). Развернутый набор элементов цинизма политического был дан Ю. Левадой и Л. Гудковым (см., например, [Левада 2006; Гудков 2013]). К нему мы обратимся чуть ниже. А пока немного истории.

Принято считать, что первым теоретиком политического цинизма был Н. Маккиавелли, а его краткий трактат “Государь” (на самом деле – Prince, то есть, скорее, герцог) стал первым сводом кинических правил эффективного политического менеджмента или “политтехнологий”, на современном языке. Думается, однако, что пальмы первенства он не заслуживает. Первым теоретиком политического цинизма представляется китайский аристократ Шан Ян. Ибо почти за две тысячи лет до Маккиавелли он сформулировал основные принципы легизма, по своей полноте и разработанности далеко превосходящие список рецептов знаменитого флорентийца. В сущности, его “Книга правителя области Шан” – первая библия тоталитаризма, “справочник политтехнолога”, где четко, откровенно, предельно цинично описан набор механизмов подавления народа и манипулирования людьми для обеспечения безграничной власти деспотического государства. Назову лишь некоторые.

1. Концепция наказания, предусматривающая отсутствие какой-либо связи между тяжестью проступка и мерой возмездия, ибо “там, где людей сурово карают за тяжкие

преступления, но мягко наказывают за мелкие проступки, не только нельзя будет пресечь тяжкие преступления, но невозможно будет даже предотвратить мелкие проступки» [Древнекитайская... 1973, с. 216].

2. Идея, что сила государства обеспечивается слабостью народа: “Когда народ слаб – государство сильное, когда государство сильное – народ слаб. Поэтому государство, идущее истинным путем, стремится ослабить народ” (цит. по [Переломов 1981, с. 128]). И соответствующая глава трактата названа предельно откровенно: “Как ослабить народ”.

3. Поощрение всеобщего доноительства и круговой поруки, начиная от семей и кончая армией.

4. Система прижизненных и загробных привилегий.

5. Совокупность мер по предотвращению возникновения бюрократических корпораций и подчинения всех чиновников лишь милости и гневу императора (подробнее см. [Государственная... 2009, с. 20–21]).

Поскольку Шан Ян, в отличие от Маккиавелли, был к тому же и практиком, министром при правителе, то книга содержит проекты указов, его речей и наставлений. «Это был один из самых читаемых политических трактатов... древности, нового и новейшего времени... Формирование политических и экономических воззрений Чан Кай Ши и Мао Цзедуна также испытало влияние “Книги правителя области Шан”» [Переломов 1981, с. 109]. Но не будем углубляться в известную дискуссию о том, был ли Маккиавелли искренним “маккиавеллистом” или же просто написал справочник по заказу правителя. Ограничимся констатацией приоритета китайского автора как первого теоретика научного тоталитаризма.

Для нашего сюжета важнее, что и Шан Ян, и Маккиавелли были циниками откровенными, честными, если можно так выразиться. А во времена более близкие цинизм стал маскироваться, камуфлироваться понятиями “государственных интересов”, “суверенитета” и т.п. Идеологической основой этих построений долгое время было так называемое “божественное право государей”. В начале же XX в., когда легитимность религиозных, “сакральных” обоснований светской власти, как минимум, потускнела, появились иные конструкции. И одним из самых популярных и опасных из них стала геополитика, которой я в прошлом году посвятил специальную статью [Оболонский 2015]. А сейчас обратимся к сегодняшней теме в ее современном российском контексте.

Посттоталитарный синдром сознания

Пораженность массового сознания россиян посттоталитарным вирусом оказалась куда серьезнее, чем представлялось многим еще недавно. Причины устойчивости этого комплекса – тема отдельная и очень серьезная. Ее, в частности, глубоко осветил Гудков [Гудков 2013]. Думаешь, ее прежде всего надо обсуждать в категориях глубокой ценностной деформации и деградации отечественного общественного сознания. Вообще причины поразивших в последние годы массовое сознание россиян украинофобии, и в частности “крымнашизма”, с трудом поддаются рациональному объяснению с позиций *homo sapiens*. Думаю, их следует обсуждать в контексте таких психологических феноменов, как “стокгольмский синдром”, “виктимизация”, демонстративный суперконформистский активизм, снижение чувства эмпатии по отношению к назначенным “врагам”, романтизм вседозволенности (вспоминается фраза разбойничьей песни из классического мультфильма советских времен – “романтики с большой дороги”), “банальность зла” (по Х. Арндт).

Полагаю, работы Гудкова, принявшего “эстафету” разработки темы у Левады, содержат для этого очень хорошую базу. Напомню некоторые основные выделенные им конструкции: негативная мобилизация, понижающая адаптация, отрицание существования у людей “высоких” мотиваций, примитивизация ценностной шкалы и некроз высших ценностей, признание приоритета силы над правом, патерналистские сурро-

гаты идеологии, стерилизация культурных и интеллектуальных элит, наконец – милитаристский национализм как негативная самоидентификация, в крайних проявлениях напоминающая черты нацизма. Вообще наше общество глубоко нездорово, в том числе – в социально-психологическом плане. И для цинизма в нем открыто широкое поле.

Начнем с уровня *производителей смыслов*. В их устах “новый” извод политического цинизма представляет особую, повышенную опасность, ибо он демагогически маскируется такими словесными клише как “национальные интересы”, “патриотизм”, “исторические корни”, “скрепы” и т.п., одновременно стигматизируя несогласных клише, негативными – “пятая колонна”, “национал-предатели” и пр. При этом даже не озабочиваются придумыванием новых слов, а просто бездумно заимствуют их из известных и давно дискредитировавших себя источников. (Думаю, для читателей журнала уточнения не требуются.) К тому же значительная часть людей в России, статусно претендующих на роли интеллектуалов, не выдержала испытания разными искушениями и рисками (в основном, мнимыми), пренебрегла этим долгом и приняла роль интеллектуальных приказчиков при власти.

В том же “поле” находится и *наглость* как стиль политического поведения и его вербального оправдания. Причем чем она “круче”, как и неизбежно сопровождающая ее ложь, тем “лучше” и, в краткосрочной перспективе, по видимости, эффективней. Это проявляется, например, на переговорах с западными политиками, которые тушуются, когда “на голубом глазу” отрицаются очевидные вещи.

И за все это расплачиваться приходится обществу. Например, поскольку, как справедливо отмечают некоторые авторы, при привлечении политической экспертизы *выбор между качеством и лояльностью сделан в пользу последней*, то уровень экспертных оценок неизбежно понижается с очевидными негативными последствиями для качества принимаемых государственных политических и управленческих решений. Неважно, что порой “новый цинизм” прикрывает свою убогость симулякрами интеллектуализма. Ведь наряду с полублатными клише используются и цитаты из серьезных философов прошлого – например, И. Ильина или даже Н. Бердяева. Правда, делается это весьма избирательно, порой путанно и ошибочно, но самого факта такого цитирования хватает, чтобы придать иным “пещерным” взглядам некий псевдоинтеллектуальный лоск и видимость “научности”.

Но оставим политический истеблишмент и перейдем на уровень *потребителя смыслов*. Тут тоже стоит выделить несколько компонентов.

Активистский конформизм как форма демонстративной политической псевдоактивности. Ее ведущая “ценность” (если здесь это слово вообще уместно) – демонстративная солидаризация с любыми словами и действиями высокого начальства. Отвлекаясь, во избежание лишних эмоций, от совсем уж близких примеров, вспомним персонажа из “Двенадцати стульев”, на вопрос о его политическом кредо ответившего одним словом – “всегда”!

Синдром “маленького человека”. Его суть выражается стереотипами “начальству видней”, “мы – люди маленькие” и т.п. Их приземленный псевдорационализм отражает стремление быть подальше от “опасной” сферы политики, от власти, максимально от нее дистанцироваться, словом – “прикинуться несъедобным” (по Гудкову), или “шлангом”, по-народному. А циничность состоит в снятии с себя ответственности за все происходящее за пределами своего маленького личного или группового мирка, в своего рода “самоиндульгенции”.

Синдром одинокого человека. Он, по сути, служит той же цели, но в несколько ином варианте, выражающемся словами “что я могу один?”. (Тут вспоминается сцена из старого “капустника” в постановке М. Розовского в студенческом театре МГУ, где эта фраза многократно повторялась людьми, все более заполнявшими сцену, причем каждый из них произносил ее с беспомощностью одиночки; однако в какой-то момент они начинали ритмично маршировать, скандируя все тот же рефрен – “что я

могу один?”.) А в плане научном этот синдром “толпы одиноких”¹ означает отсутствие чувства солидарности между людьми даже в критических обстоятельствах. Наиболее наглядно это проявляется в качественной разнице в количестве людей, выходящих на уличные акции в наших городах и городах зарубежных в случае каких-либо экстраординарных событий, например убийства по политическим или религиозным мотивам – от убийства “неудобных” журналистов до убийств оппозиционных политиков. (Например, на марши после убийства А. Политковской в Великобритании вышли тысячи, а в Риме – десятки тысяч человек; в Москве – триста человек. Даже траурный марш после убийства Б. Немцова, все же собравший больше 50 тыс. человек, трудно сравнить с миллионным маршем в Париже после расстрела редакции Шарли Эбдо.) Там же, где вопрос напрямую не касается жизни и смерти, картина еще более удручающая: ни фактическое уничтожение Российской академии наук, ни весьма болезненные для людей меры в системе здравоохранения, ни разрушение памятников архитектуры, и т.п. не вызвали адекватной важности событий массовых протестов как членов профессиональных сообществ, так и “просто” граждан. А с протестами небольших групп активистов власти научились справляться мерами в амплитуде от посулов и игнорирования до прямых разгонов и репрессий.

Представление (искреннее или лицемерное) о политике как деле, несовместном с моралью, имманентно “грязном” и потому занятии, якобы недостойном “порядочных людей”. Дескать, главное в политике – властолюбие, стремление к власти любой ценой, умение предать, обмануть и т.п. Увы, следует признать, что подобные мнения и суждения подкреплены обширной практикой как исторической, так и современной. Однако, на мой взгляд, здесь происходит лукавая *подмена должного суцим, легитимация аморализма и даже апология подлости.* Сведение политики к “византизму”, к маккиавеллизму парадоксальным образом само не лишено элементов цинизма, ибо при этом отрицается существование такой несовместимой с цинизмом моральной категории, как справедливость. Ведь, как писал блаженный Августин еще в IV в., “в отсутствие справедливости что есть государства, как не просто большие шайки разбойников, и что есть шайки разбойников, как не государства в миниатюре” (цит. по [Графский 2005, с. 185]). А у Аристотеля читаем: “Политика есть публичное пространство, расположенное между людьми и располагающее их по отношению друг к другу. Это... арена, на которую выступают индивиды, предъявляя себя друг другу... исследование человеческого общения в наиболее совершенной его форме, дающей людям полную возможность жить согласно их устремлениям” [Аристотель 1984, с. 415].

Мне представляется, что именно наличие моральных факторов маркирует границу между *политикой* и *политиканством*. Ибо чем же иначе отличается политика от того, что на современном жаргоне называется преступным “беспределом”?! Политика в подлинном смысле слова апеллирует к лучшему в человеке – к возвышающим его ценностям, к развитию и поощрению человеческого капитала, креативности, в то время как политиканство – к худшему: злобе, зависти, всевозможным фобиям.

Предложенная классификация не исчерпывающа. И можно многое добавить или иначе сформулировать, например, проекцию на других собственных понижающих мотивов, о чем писал Гудков. Но общим знаменателем мне представляется **глубокая ценностная деформация или даже ценностная аномия** у большей части нашего народа. И все же отдающий безнадежностью тотально пессимистический взгляд на состояние российского общества, мне кажется, не оправдан и к тому же оказывает деморализующее воздействие на людей, на их готовность действовать, менять что-либо к лучшему. Поэтому в завершение темы цинизма хотелось бы добавить немного оптимизма.

¹ Вспомним: Lonely Crowd – название классической книги Д. Рисмена.

Движение мира к моральной политике

Итак, цинизм – своего рода “принципиальный” аморализм. А главная тенденция в сегодняшнем мире все же иная. Наступают “новые времена”, когда даже политические циники вынуждены играть по другим правилам. Моральность политики выстрадана человечеством. Конечно, в мире политики и сегодня полно цинизма. Но трагический опыт XX в. все же кое-чему научил людей. Не переоценивая ни западных, ни, тем более, наших политиков, можно все же с оговорками сказать, что в целом демократические страны, пусть спотыкаясь, оглядываясь, даже делая попятные шаги, тем не менее как-то движутся к моральной политике. Циничные геополитические открытия политиков поколений Мировых войн и войны “холодной” сегодня не находят ни понимания, ни сочувствия в продвинутом политическом сознании и культуре. И нынешние политики это осознали и стараются “соответствовать”. Кто-то искренне, кто-то демагогически, но все же. К этому их толкают возросший уровень обращаемых к ним общественных ожиданий и требований. Попытки игнорировать данный фактор исторически бесперспективны.

И дело не только (а, быть может, и не столько) в “высоких идеалах”, но и в прагматике. Вспоминается название книги С. Ковалева “Прагматика политического идеализма” [Ковалев 1999]. Ведь в хотя бы относительно морально полноценных, “нормальных” обществах **быть честным прагматически выгодно**, ибо бесчестность начисто губит репутацию человека и, соответственно, его карьерные и другие личные перспективы, делает его “нерукопожатным” с соответствующими последствиями. А один из ключевых элементов “нормальности” общества – уважение к базовым государственным институтам, причем не только к их формальным элементам, но и к реальной практике их функционирования. Неизбежное же следствие политического цинизма – их низкий общественный престиж и в целом падение уважения к государствам в их существующих формах, политическое отчуждение, массовые протесты, “двойная мораль”. И даже самый высокий рейтинг отдельных политиков не компенсирует низкого престижа политических институтов, низкого уровня доверия и неуважения к ним. К тому же рейтинг – вещь эфемерная, непостоянная, как мы знаем даже из отечественного опыта мгновенного падения рейтингов сначала М. Горбачева, потом Б. Ельцина. Персональный рейтинг, не связанный с уважением к государственным институтам, уважением людей друг к другу, – надутый “мыльный пузырь”. Ведь одна из базовых основ цинизма – всеобщее неуважение. Вспомним одно из стихотворений Б. Окуджавы:

“Вселенский опыт говорит,
что погибают царства
не оттого, что тяжек быт
или страшны мытарства.
А погибают оттого,
(и тем больней, чем дольше),
что люди царства своего
не уважают больше” [Окуджава 2004, с. 125].

Времена сегодня меняются быстро и непредсказуемо. Вспомним название книги И. Валлерстайна: “Конец знакомого мира”. Наступило время неопределенности и непредсказуемости. Многое невозможно измерить даже с помощью лучших из имеющихся социологических инструментов. А само время максимально спрессовалось. И будущее не в последнюю очередь зависит от того, сумеем ли мы преодолеть эпидемию цинизма, которая в чем-то даже опаснее эпидемий медицинских.

Политический романтизм как позитивный фактор

На шкале политической морали цинизм – противоположный полюс по отношению к романтизму. В 2011–2014 гг. мы наблюдали в России всплеск политического романтизма и даже идеализма со всеми его симпатичными, возвышенными, но практически, инструментально, неэффективными атрибутами. Российские итоги протест-

ного всплеска, в отличие, например, от событий на Украине, оказались плачевными. Почему? Есть несколько известных и не очень известных вариантов ответов на этот вопрос. Я здесь хотел бы самоограничиться одним важным морально-психологическим аспектом.

Представляется, что политический романтизм, при всей его красоте и возвышенности, не очень эффективен в практическом плане. Имманентно присущая ему повышенная эмоциональность упрощает политическую реальность, требует быстрого отклика и результата. Он довольно быстро “выдыхается” в удушливой атмосфере *realpolitik*. Антитезой романтизму стала в России активизация политического цинизма. Сейчас маятник целенаправленными и безнравственными в своей основе усилиями власти затолкали на противоположный конец шкалы – в агрессивный цинизм. Но представляется очевидным, что надолго удержать его в такой противостественной позиции не удастся. Поэтому надо работать над приведением его в более устойчивую и политически рациональную, более или менее центральную позицию.

Назовем ее **политическим реализмом**, или “**повышающей адаптацией**”² (в противовес описанной Гудковым “понижающей адаптации”), противопоставив арендтовской “*банальности зла*” “*банальность героизма*”, по Ф. Зимбардо. Свою последнюю книгу с алармистским подзаголовком “Почему хорошие люди превращаются в злодеев” Зимбардо закончил оптимистически – разделом о скрытом в каждом человеке потенциале сопротивления злу, об “универсальности обычных героев”. По его мнению, “героизм – это и есть способность сопротивляться мощным ситуационным силам, которые так легко улавливают в свои сети большинство людей... героизм поддерживает идеалы общества... Банальность героизма означает, что мы все – герои, ждущие своего часа. Рассматривая героизм как эгалитарный, общий признак человеческой природы, а не редкое качество, присущее немногим избранным, мы можем лучше способствовать героическим поступкам... Для этого необходимо напоминать людям, что каждый из нас – герой, ждущий своего часа... каждый способен стать героем в той или иной степени. Иногда мы этого не осознаем. Для кого-то это может быть что-то очень простое... мы все – герои для кого-то” [Зимбардо 2013, с. 677–678]. И дело отнюдь не сводится к политике и “баррикадам”, хотя в определенные моменты это оказывается главным, определяющим все остальное, моментом. Но все же, как писал А. Солженицын, “линия, разделяющая добро и зло, проходит не между государствами, не между классами, не между партиями, она проходит через каждое человеческое сердце – и через все человеческие сердца” [Солженицын 1989, с. 570].

Так что в человеке, как говорится, много всякого “намешано” – и плохого, и хорошего. И надо апеллировать к лучшей его стороне – к чувству собственного достоинства, к самоуважению, к потребностям высших уровней (по пирамиде А. Маслоу)³. А не ограничиваться пусть даже самыми интеллектуально изощренными описаниями его низкой стороны и качеств и вытекающими отсюда формами поведения. Иначе это, независимо от намерений аналитиков, даже самых честных и благородных, становится некой легитимацией цинизма.

Апеллировать же есть к чему. Вспомним хотя бы “дядю самых честных правил”, который “уважать себя заставил и лучше выдумать не мог”. И надо помогать людям начать себя уважать, что, в частности, предполагает и презрительно брезгливое неприятие циников, в том числе циников на политической ниве. Независимо от их ранга. И что представляется ключевым и обещает реальные позитивные последствия, надо воспитывать не только презрительное к ним отношение, но и соответствующее этому отношению **политическое поведение**. В этом видится моральный долг людей науки, то есть нас с вами.

² Возможно, полезным может быть анализ с позиций неотрейдизма, в частности, введенные В. Волканом категории “избранной славы” (*chosen glory*) и “избранной травмы” (*chosen trauma*) (см., например, [Volkan 1988] и другие работы того же автора). Ведь “понижающая адаптация” Левады–Гудкова близка к фрейдовскому *Id*, а адаптация повышающая – к *Superego*.

³ Мне кажется, украинский Евромайдан в своих лучших проявлениях (типа лозунга “революция достоинства”) апеллировал именно к этой, возвышающей стороне человеческого потенциала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аристотель (1984) *Политика* // Аристотель. Соч. В 4 т. Т. 4. М.: Мысль.
Государственная служба: комплексный подход (2009). М.: Дело.
Графский В.Г. (2005) *История политических и правовых учений*. М.: Проспект-Велби.
Гудков Л.Д. (2013) Человек в неморальном пространстве: к социологии морали в посттоталитарном обществе // Вестник общественного мнения. № 3–4. С. 118–178.
Древнекитайская философия (1973) В 2 т. Т. 2 М.: Мысль. С. 211–224.
Зимбардо Ф. (2013) Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. М.: Альпина пাবлিশер.
Ковалев С.А. (1999) *Прагматика политического идеализма*. М.: Ин-т прав человека.
Левада Ю.А. (2006) Человек в коррумпированном пространстве // Левада Ю.А. Ищем человека. Социологические очерки 2000–2005. М.: Новое издательство. С. 233–247.
Оболонский А.В. (2015) Геополитика как фантом ложного сознания // Общественные науки и современность. № 1. С. 75–83.
Окуджава Б.Ш. (2004) *Лирика. Проза*. Екатеринбург: У-Фактория.
Переломов Л.С. (1981) *Конфуцианство и легизм в политической истории Китая*. М.: Наука.
Солженицын А.И. (1989) *Архипелаг ГУЛАГ*. В 4 т. Т. 2. М.: Советский писатель, Новый мир.
Volkan V. (1988) *The Need to Have Enemies and Allies. From Clinical Practice to International Relationships*. New Jersey–London :Nortvale.
-

Political Cynicism: the Concept, Practice, Alternative

A. OBOLONSKY*

* **Obolonsky Alexander** – doctor of sciences (Law), professor, National Research University “Higher School of Economics”. Address: 20, Myasniskaya st., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: aobolonsky@hse.ru.

Abstract

The subject of article is too topical, than wishes to be, unfortunately. The notion of political cinicism and evolution of it from ancient Chinese Legism through Makkiavelism to modern time are analysed. The components of post-totalitarian syndrom – legitimacy of amoralism, anomy of values, activistic conformity, syndroms of a “small” and lonely man, – what characterize contemporary Russian society, are described. Political romanticism, realism and “banality of heroism” are considered as a positive alternative for cinicism and “banality of evil”.

Keywords: political cinicism, morality, post-totalitarian syndrom of consciousness, solidarity, deformation of values’ system, romanticism, political realism, adaptation, banality of evil.

REFERENCES

- Aristotel (1984) *Politika* [Politics]. Aristotel’. Soch. V 4 t. [Works in 4 volumes] Vol. 4. Moscow: Misl’.
Drevnekitayskaya filosofiya (1973) [Ancient Chinese Philosophy]. In 2 volumes. Vol. 2. Moscow: Misl’, pp. 211–224.
Gosudarstvennaya sluzhba: kompleksniy podhod (2009) [State Service: an integrated approach]. Moscow: Delo.
Grafskiy V.G. (2005) *Istoriya politicheskikh i pravovih ucheniy* [History of political and legal doctrines]. Moscow: Prospekt-Velbi.

Gudkov L.D. (2013) Chelovek v nemoralnom prostranstve: k sociologii morali v posttotalitarnom obschestve [Man in immoral space: the sociology of morality in post-totalitarian society]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, no. 3–4, pp. 118–178.

Kovalev S.A. (1999) *Pragmatika politicheskogo idealizma* [Pragmatics of political idealism] Moscow: In-t prav cheloveka.

Levada Yu.A. (2006) Chelovek v korruptivnom prostranstve [Man in the space of corruption] Levada Yu.A. *Ischem cheloveka. Sociologicheskie ocherki 2000–2005* [We are looking for a man. Sociological Essays 2000–2005]. Moscow: Novoe izdatel'stvo pp. 233–247.

Obolonskiy A.V. (2015) Geopolitika kak fantom lozhnogo soznaniya [Geopolitics as a phantom of false consciousness]. *Obshchestvennie nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 75–83.

Okudzhava B.Sh. (2004) *Lirika. Proza* [Lyrics. Prose]. Ekaterinburg: U-Faktoriya.

Perelomov L.S. (1981) *Konfucianstvo i legizm v politicheskoy istorii Kitaya* [Confucianism and Legalism in the political history of China]. Moscow: Nauka.

Solzhenicin A.I. (1989) *Arhipelag GULAG*. V 4 t. T. 2. [The Gulag Archipelago, in 4 volumes, vol. 2] Moscow: Sovetsky pisatel', Novyi mir.

Volkan V. (1988) *The Need to Have Enemies and Allies. From Clinical Practice to Interntional Relationships*. New Jersey–London: Nortvale.

Zimbardo F. (2013) *Effekt Lyucifera. Pochemu horoshie lyudi prevraschayutsya v zlodeev* [The Lucifer Effect. Why do good people turn into villains] Moscow: Alpina Pablisher.

© А. Оболонский, 2016